

Трибуна молодого ученого TRIBUNE FOR YOUNG SCIENTISTS

Научная статья
УДК 343.13
DOI 10.33184/pravgos-2026.1.29

Original article

ДЕХЕРТ Андрей Андреевич
Волгоградский государственный университет,
Волгоград, Россия,
dekhert@volsu.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2871-2213>

DEKHERT Andrey Andreevich
Volgograd State University,
Volgograd, Russia

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ КОЛЛИЗИИ ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ФОРМЕ ДЕНЕЖНОГО ВЗЫСКАНИЯ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРЕДПИСАНИЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА

INTERSECTORAL COLLISIONS IN IMPOSING MONETARY PENALTIES FOR CRIMINAL
PROCEDURE LAW VIOLATIONS

Аннотация. Проблеме определения субъектов уголовно-процессуальной ответственности в российской науке уделяется недостаточно внимания, что порождает неопределенность в правоприменительной практике при привлечении лиц к ответственности за правонарушения. Между тем четкое определение круга субъектов – необходимое условие для эффективного функционирования механизма юридической ответственности и обеспечения исполнения процессуальных обязанностей. Цели: выявить системные коллизии между нормами, возлагающими процессуальные обязанности, и положениями о денежном взыскании; разграничить пределы уголовно-процессуальной и административной ответственности. Методы: методологическая платформа исследования сконструирована из общенаучных процедур аналитико-синтетического познания и отраслевого юридического инструментария, включающего компаративистику правовых институтов, логико-правовое моделирование и герменевтическое толкование правовых норм. Компаративистика правовых институтов применялась для проведения сравнительного анализа институтов уголовно-процессуального и административного права. Логико-правовое моделирование использовалось для построения теоретической модели разграничения отраслевой принадлежности мер юридической ответственности, основанной на

Abstract. Insufficient attention in Russian legal scholarship to the problem of defining subjects of criminal procedural liability creates uncertainty in law enforcement practice when prosecuting individuals for offenses. Meanwhile, a clear definition of the scope of subjects is a necessary condition for the effective functioning of the legal liability mechanism and for ensuring the fulfillment of procedural obligations. Purposes: To identify systemic collisions between procedural obligation norms and monetary penalty provisions; to differentiate the limits of criminal procedural and administrative liability. Methods: The methodological framework of the research is built upon general scientific analytical-synthetic cognitive procedures and specialized legal tools, including comparative analysis of legal institutions, logical-legal modeling, and hermeneutic interpretation of legal norms. Comparative analysis of legal institutions was used to compare criminal procedure and administrative law institutions. Logical-legal modeling was used to construct a theoretical model for differentiating the sectoral affiliation of legal liability measures, based on the criterion of the object of the offense. Hermeneutic interpretation of legal norms was applied to elucidate the content of legal norms and reveal their true meaning. Results: The study reveals a systemic discrepancy between the broad spectrum of subjects entrusted with procedural obligations

критерии объекта правонарушения. Герменевтическое толкование правовых норм применялось для интерпретации содержания правовых норм и выявления их действительного смысла. Результаты: установлено наличие системной несогласованности между широким кругом субъектов, на которых возложены процессуальные обязанности (ч. 4 ст. 21, ст. 257 УПК РФ), и ограниченным перечнем лиц, к которым применимо денежное взыскание (ст. 117–118 УПК РФ). Выявлена практика подмены уголовно-процессуальной ответственности административной посредством применения ст. 17.7 и 17.3 КоАП РФ к нарушениям, совершаемым в рамках уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: юридическая ответственность, уголовно-процессуальное правонарушение, денежное взыскание, субъект, уголовное судопроизводство, меры ответственности

Для цитирования: Дехерт А.А. Межотраслевые коллизии при привлечении к ответственности в форме денежного взыскания за нарушение предписаний уголовно-процессуального закона / А.А. Дехерт. – DOI 10.33184/pravgos-2026.1.29 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 1. – С. 278–284.

(Part 4 of Article 21, Article 257 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation) and the restricted category of individuals subject to monetary penalties (Articles 117–118 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation). Furthermore, the research uncovers a practice of substituting criminal procedural liability with administrative liability by applying Articles 17.7 and 17.3 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation to violations committed within the framework of criminal proceedings.

Keywords: legal liability, criminal procedural offense, monetary penalty, subject, criminal proceedings, liability measures

For citation: Dekhert A.A. Intersectoral Collisions in Imposing Monetary Penalties for Criminal Procedure Law Violations. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 1, pp. 278–284. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.1.29.

ВВЕДЕНИЕ

Перечень субъектов, подлежащих уголовно-процессуальной ответственности по ст. 117 УПК РФ, нуждается в существенном расширении. Предпосылки для такого изменения имеются в нормах действующего УПК РФ. Необходимость расширения перечня субъектов отмечается как в предпринимавшихся ранее [1, с. 462; 2, с. 156; 3, с. 12], так и в современных научных исследованиях [4, с. 93–94; 5, с. 25; 6, с. 153].

Нормативную основу для идентификации субъектного состава уголовно-процессуальной ответственности образует императивное предписание ч. 4 ст. 21 УПК РФ, детерминирующее универсальную юридическую обязанность всех учреждений, предприятий, организаций, а также носителей публично-властных полномочий и физических лиц по беспрекословному подчинению законным требованиям субъектов процессуального руководства. Системное толкование данной нормы позволяет констатировать отсутствие в уголовно-процессуальном законе прямых нормативных ограничений на распространение

механизма имущественных санкций в форме денежного взыскания на обозначенный круг адресатов процессуальных обязанностей.

Сложившаяся коллизия между общим возложением процессуальной обязанности (ч. 4 ст. 21 и ст. 257 УПК РФ) и отсутствием ее прямой корреляции с механизмом уголовно-процессуального принуждения в форме денежного взыскания (ст. 117–118 УПК РФ) приводит к неопределенности в правоприменительной сфере. Фактически создается ситуация, когда обязанность носит императивный характер, однако ее исполнение не обеспечено эффективным процессуальным инструментарием для воздействия на нарушителей из числа субъектов, не указанных в ч. 2 ст. 111 УПК РФ. Такое положение создает ряд проблем.

Во-первых, если закон возлагает на учреждения, предприятия, организации, должностных лиц и граждан обязанность содействовать уголовному судопроизводству, то должна быть предусмотрена и процессуальная санкция за ее нарушение. Во-вторых, ослабляются гарантии своевременного получения информации органами предварительного расследования и прокурором, поскольку отсутствие

действенной санкции снижает мотивацию к надлежащему исполнению запросов и требований. В-третьих, существует риск подмены уголовно-процессуальных мер механизмами ответственности иной отраслевой принадлежности (административной, дисциплинарной). Последняя проблема проявляется наиболее остро: за ряд уголовно-процессуальных правонарушений граждан и организации привлекают к административной ответственности, а лиц, ведущих процесс, адвокатов и прокуроров – к дисциплинарной.

Рассмотрим проблемы, связанные с подменой уголовно-процессуальной ответственности административной ответственностью, в результате чего образовались своего рода парные нормы, а несовершенство уголовно-процессуального регулирования компенсируется за счет применения норм административного права.

МЕЖОТРАСЛЕВАЯ КОЛЛИЗИЯ НОРМ СТАТЬИ 17.7 КОАП РФ И СТАТЬИ 117 УПК РФ

Первую группу таких парных норм образуют ст. 17.7 КоАП РФ и ст. 117 УПК РФ. Представляется необходимым провести разграничение объектной сферы и пределов каждого из указанных нормативных предписаний.

Диспозиция ст. 17.7 КоАП РФ устанавливает административную ответственность за волевое игнорирование легитимных предписаний должностных лиц органов прокуратуры, предварительного расследования и субъектов, реализующих процессуальные полномочия в рамках административно-юрисдикционной деятельности. Направленность данного положения состоит в гарантировании эффективности административно-процессуальной формы через укрепление императивной подчиненности участников производства установленным процедурным требованиям. Рассматриваемая норма имеет автономный объект правовой защиты и специфическое процессуально-ситуационное поле реализации: она имплементирована в санкционный механизм административного законодательства и приводится в действие при кумулятивном наличии производства по административному делу, надлежащей компетенции правоприменительного органа и определенного процессуального положения субъекта-адресата.

По мнению С.В. Красильникова, ответственность по ст. 17.7 КоАП РФ предусматривается исключительно в рамках производства по делам об административных правонарушениях, а «к уголовно-процессуальным правоотношениям они не имеют отношения и применяться в рамках уголовного судопроизводства не могут» [7, с. 84].

А.П. Лыга полагает, что «предмет и пределы правового регулирования денежного взыскания в ст. 117 УПК РФ и административного штрафа в ст. 17.3 и 17.7 КоАП РФ достаточно внятно разграничены на законодательном уровне» [8, с. 39].

В проведенном исследовании правоприменительной практики А.С. Есина, Н.В. Макеева и А.В. Борбат обращают внимание на отсутствие у правоприменителя «четкого понимания круга лиц и оснований, при которых следует применять ст. 117, 118 УПК РФ, а в каких случаях есть основания для применения ст. 17.7 КоАП РФ», что приводит к применению положений, установленных в ст. 17.7 КоАП РФ, к лицам, перечисленным в ст. 111 УПК РФ [9, с. 22].

Ошибочность применения положений ст. 17.7 КоАП РФ констатирует и Т.В. Орлова, отмечая привлечение к административной ответственности при недобросовестном исполнении свидетелем или потерпевшим своих процессуальных обязанностей в производстве по уголовному делу [10, с. 17].

Я.А. Шараева обращает внимание на проблему, выражающуюся в том, что, например, при неявке на допрос потерпевшего проще применить положения ст. 17.7 КоАП РФ [11, с. 152]. Органы предварительного расследования обращаются к участковым уполномоченным с ходатайствами о возбуждении административного производства в отношении лица, которое не исполняет свои процессуальные обязанности [12, с. 188].

Негативная практика избрания меры ответственности отмечается В.Д. Потоповым и Г.А. Волковой. Они объясняют ее «практикой подмены профилактики привлечением к административной ответственности участников уголовного судопроизводства, умышленно не выполняющих законные требования следователей, в условиях межотраслевой преюдиции» [13, с. 112].

Недопустимость применения ст. 17.7 КоАП РФ в сфере уголовного процесса объясняется, по нашему мнению, различием отраслевого предмета регулирования и процессуального статуса лица, привлекаемого к ответственности. Требование, исходящее от дознавателя, следователя, прокурора или суда в рамках уголовного дела, не является «требованием органа, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении», а потому не подпадает под диспозицию ст. 17.7 КоАП РФ. Объект посягательства и процессуальные предпосылки применения нормы несоизмеримы.

Возможность применения ст. 117 УПК РФ в уголовном судопроизводстве вытекает из ее назначения: норма направлена на противодействие тому же типу антисоциального поведения (уклонение от исполнения процессуальной обязанности), однако делает это средствами и в пределах уголовно-процессуальной формы, обеспечивая процессуальную автономию и системную непрерывность уголовного судопроизводства. Попытка заменить уголовно-процессуальные меры административной санкцией фактически влечет подмену процессуальной формы и коллизию компетенций: орган, возбуждающий дело по ст. 17.7 КоАП РФ по факту неисполнения обязанности в уголовном процессе, выходит за пределы установленной законом юрисдикции.

В научной литературе встречается иная позиция: ст. 117 УПК РФ предлагается исключить как избыточную, оставив единственным механизмом реагирования на нарушение предписаний уголовно-процессуального закона и требований лиц, ведущих процесс, привлечение к ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ. Необходимость исключения из закона ст. 117 УПК РФ аргументируется тем, что данная норма содержит в качестве основания административное правонарушение, а не уголовно-процессуальное, ответственность за которое предусмотрена КоАП РФ [14, с. 103].

Иной точки зрения придерживается С.В. Красильников, предлагающий исключить из нормативных правовых источников (за исключением УПК РФ и УК РФ) нормы, в которых предусматривается ответственность за уголовно-процессуальное правонарушение [7, с. 82]. Не соглашается с исключением

ст. 117 из УПК РФ и И.Б. Тутынин, поскольку такой подход не упростит процедуру привлечения правонарушителя к ответственности, а приведет к затягиванию сроков [15, с. 34–35].

Исключение из уголовно-процессуального закона ст. 117 УПК РФ и перенос меры ответственности в плоскость административного регулирования теоретически упрощает порядок применения санкций, но практически ведет к снижению эффективности уголовного судопроизводства и риску разрыва логики процессуального принуждения. Обоснованным представляется совершенствование ст. 117 УПК РФ при одновременном разграничении уголовно-процессуальной и административной ответственности по объекту правонарушения.

Одним из направлений совершенствования ст. 117 УПК РФ является распространение ее положений на лиц, не вовлеченных в процесс. Следует согласиться с А.Р. Шариповой, предлагающей не ограничиваться исключительно участниками уголовного судопроизводства, а распространить перечень субъектов уголовного-процессуального правонарушения на лиц, не предоставляющих по соответствующим запросам информацию, необходимую по делу [6, с. 150]. В настоящее время для обеспечения исполнения таких запросов в распоряжении правоприменителя нет ничего, кроме «единственного рычага воздействия – ст. 17.7 КоАП РФ» [16, с. 146].

Аргумент в пользу распространения положений о наложении денежного взыскания на лиц, не вовлеченных в процесс, подтверждается результатами анализа других видов процессуальной ответственности, субъектами которой могут выступать любые лица, совершившие правонарушение (ст. 103 и 105 ГПК РФ, ст. 110 и 119 АПК РФ, ч. 1 и 2 ст. 114 и ст. 122 КАС РФ и др.).

МЕЖОТРАСЛЕВАЯ КОЛЛИЗИЯ НОРМ СТАТЬИ 17.3 КоАП РФ и статьи 258 УПК РФ

Обращение к законодательной формуле ч. 1 ст. 258 УПК РФ обнаруживает использование конструкции «лицо, участвующее в судебном заседании», которая создает иллюзию расширения субъектного состава перечня, зафиксированного в ч. 1 ст. 111 УПК РФ.

Однако данное расширение носит преимущественно номинальный, а не содержательный характер. В практической плоскости круг субъектов, присутствующих в судебном заседании и потенциально подпадающих под действие института денежного взыскания согласно ст. 117 УПК РФ, остается ограниченным.

Принципиально важным представляется разграничение понятий «лицо, участвующее в судебном заседании» и «участник уголовного судопроизводства», поскольку они не тождественны по объему и содержанию. К нарушению императивных предписаний председательствующего судьи или представителей Федеральной службы судебных приставов может быть причастен, в частности, слушатель (посетитель судебного заседания), к которому формально применимы все дисциплинарные санкции, предусмотренные ст. 258 УПК РФ, за исключением имущественной меры в форме денежного взыскания. Аналогичная правовая аномалия наблюдается в отношении тех участников уголовного судопроизводства, которые не вошли в исчерпывающий перечень субъектов, перечисленных в ст. 111 УПК РФ.

Данная нормативная несогласованность порождает системную правоприменительную проблему. Законодатель, с одной стороны, возлагает на всех присутствующих в зале судебного заседания обязанность соблюдения установленного порядка (ст. 257 УПК РФ), а с другой – лишает правоприменителя эффективного механизма принуждения к исполнению этой обязанности в отношении значительной части потенциальных нарушителей.

Более того, отсутствие возможности наложения денежного взыскания на лиц, не включенных в ст. 111 УПК РФ, фактически стимулирует безответственное поведение в судебном заседании, поскольку альтернативные санкции ст. 258 УПК РФ (предупреждение, удаление из зала) в ряде случаев недостаточно действенны. Существующая законодательная модель противоречит принципу процессуальной экономии и эффективности правосудия, требуя пересмотра с позиций универсализации субъектного состава уголовно-процессуальной ответственности за нарушение порядка в судебном заседании.

В настоящее время денежное взыскание к таким лицам применяется на основании

ст. 17.3 КоАП РФ. Так, из материалов дела следует, что подсудимая по уголовному делу прибыла в суд в состоянии алкогольного опьянения, вела себя вызывающе, перебивала судью. После неоднократных замечаний со стороны председательствующего судьи в отношении подсудимой был составлен протокол об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 17.3 КоАП РФ¹. Подобная практика нередка и сложилась на фоне непринятия идеи о допустимости применения к подсудимому мер уголовно-процессуальной ответственности, перечисленных в ч. 2 ст. 111 УПК РФ, поскольку подозреваемый и обвиняемый не указаны в рассматриваемой части статьи.

Полагаем, что положения ст. 257 УПК РФ, указывающей на недопустимость неисполнения требований председательствующего или сотрудника органов принудительного исполнения, вводят процессуальную обязанность для всех лиц, присутствующих в зале судебного заседания, нарушение которой должно влечь наложение денежного взыскания как при исчерпании неимущественных санкций, перечисленных в ст. 258 УПК РФ, так и наряду с ними при наличии состава уголовно-процессуального правонарушения. Такая позиция неоднократно высказывалась в юридической литературе [17, с. 11].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы относительно определения субъектов уголовно-процессуальной ответственности и разграничения смежных видов юридической ответственности (административной и уголовно-процессуальной).

Во-первых, установлено наличие системной коллизии между общим возложением процессуальных обязанностей на широкий круг субъектов (учреждения, предприятия, организации, должностные лица и граждане, согласно ч. 4 ст. 21, ст. 257 УПК РФ) и ограниченным перечнем лиц, к которым применимо денежное взыскание в соответствии со ст. 117–118 УПК РФ.

¹ Приговор Югорского районного суда № 1-191/2023 1-36/2024 от 20.02.2024 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL : <https://sudact.ru/> (дата обращения: 21.09.2025).

Во-вторых, выявлена практика подмены уголовно-процессуальной ответственности административной при правонарушениях, совершаемых в рамках уголовного судопроизводства. Применение норм КоАП РФ (ст. 17.7 и ст. 17.3) вместо положений УПК РФ (ст. 117–118) противоречит принципу отраслевой автономии, нарушает процессуальную форму и влечет коллизию компетенций. Критерием разграничения должен выступать объект правонарушения: при воздействии на уголовно-процессуальные отношения применению подлежат исключительно меры уголовно-процессуальной ответственности.

В-третьих, обоснована необходимость расширения перечня субъектов уголовно-процессуальной ответственности путем распространения положений ст. 117 УПК РФ на всех субъектов, на которых возложены процессуальные обязанности: учреждения, предприятия, организации, должностных лиц и

граждан, не исполняющих законные требования органов предварительного расследования, прокурора и суда, а также на лиц, не вовлеченных в процесс в качестве его участников, но обязанных предоставлять информацию по соответствующим запросам.

В-четвертых, аргументирована допустимость применения денежного взыскания к любым лицам, включая подсудимых, слушателей и иных, присутствующим в зале судебного заседания и нарушающим требования председательствующего или сотрудника органов принудительного исполнения. Такая возможность вытекает из императивного характера обязанности, установленной ст. 257 УПК РФ, и должна реализовываться как при исчерпании неимущественных санкций, предусмотренных ст. 258 УПК РФ, так и наряду с ними при наличии состава уголовно-процессуального правонарушения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Багаутдинов Ф.Н. Обеспечение публичных и личных интересов при расследовании преступление : монография / Ф.Н. Багаутдинов. – Москва : Юрлитинформ, 2004. – 544 с.
2. Францифоров Ю.В. Противоречия уголовного процесса. – Москва : Приор-издат, 2006. – 176 с.
3. Шейфер С.А. Принуждение в следственных действиях / С.А. Шейфер. – Москва, 1981. – 128 с.
4. Зайков Д.Е. Институт судебного штрафа как мера процессуальной ответственности: проблемы определения субъектного состава / Д.Е. Зайков // Журнал российского права. – 2025. – Т. 29, № 4. – С. 92–103.
5. Тутынин И.Б. Некоторые проблемы применения денежного взыскания как меры уголовно-процессуального принуждения / И.Б. Тутынин // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2020. – № 2 (26). – С. 23–29.
6. Шарипова А.Р. Сравнительный анализ институтов денежного взыскания и судебного штрафа в уголовном, арбитражном, гражданском и административном процессе / А. Р. Шарипова // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17, № 1 (134). – С. 145–153.
7. Красильников С.В. Уголовно-процессуальная ответственность и ее реализация : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С.В. Красильников. – Москва, 2019. – 218 с.
8. Лыга А.П. О некоторых вопросах правовой природы и сущности денежного взыскания / А.П. Лыга // Законодательство и практика. – 2021. – № 2 (47). – С. 39–40.
9. Есина А.С. Деятельность следователя по применению меры принуждения в виде денежного взыскания к участникам уголовного судопроизводства / А.С. Есина, Н.В. Макеева, А.В. Борбат // Российский следователь. – 2021. – № 3. – С. 21–25.

REFERENCES

1. Bagautdinov F.N. Ensuring Public and Private Interests in the Investigation of Crimes. Moscow, Yurlitinform Publ., 2004. 544 p.
2. Frantsiforov Yu.V. Contradictions in Criminal Procedure. Moscow, Prior-Izdat Publ., 2006. 176 p.
3. Sheifer S.A. Coercion in Investigative Actions. Moscow, 1981. 128 p.
4. Zaykov D. The Institution of a Judicial Fine as a Measure of Procedural Responsibility: Issues of Determining the Subject Composition. *Journal of Russian Law*, 2025, vol. 29, no. 4, pp. 92–103. (In Russian).
5. Tutynin I.B. Some Problems of Applying Monetary Penalties as a Measure of Criminal Procedural Coercion. *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2020, no. 2 (26), pp. 23–29. (In Russian).
6. Sharipova A.R. Comparative Analysis of the Institutions of Monetary Recovery and Court Fines in Criminal, Arbitration, Civil and Administrative Proceedings. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*, 2022, vol. 17, no. 1 (134), pp. 145–153. (In Russian).
7. Krasilnikov S.V. Criminal Procedural Liability and Its Implementation. *Cand. Diss.* Moscow, 2019. 218 p.
8. Lyga A.P. On Some Questions of Legal Character and Essence of Monetary Penalty. *Legislation and Practice*, 2021, no. 2 (47), pp. 39–40. (In Russian).
9. Esina A.S., Makeeva N.V., Borbat A.V. Investigator's Activity Involving the Application of a Coercive Measure in the form of Monetary Sanctions Against Parties to Criminal Proceedings. *Russian Investigator*, 2021, no. 3, pp. 21–25. (In Russian).
10. Orlova T.V. Imposition of a Monetary Penalty by the Court as Another Measure of Procedural Coercion. *Magistrate Judge*, 2023, no. 8, pp. 16–20. (In Russian).

10. Орлова Т.В. Наложение судом денежного взыскания как иной меры процессуального принуждения / Т.В. Орлова // *Мировой судья*. – 2023. – № 8. – С. 16–20.
11. Шараева Я.А. Проблемные вопросы применения меры принуждения в виде денежного взыскания в уголовном процессе / Я.А. Шараева // *Юрист-Правовед*. – 2020. – № 2 (93). – С. 149–153.
12. Узгорская И.А. Вопросы применения денежного взыскания как иной меры процессуального принуждения при производстве предварительного расследования: проблемы теории и практики / И.А. Узгорская // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. – 2018. – № 12. – С. 186–188.
13. Потапов В.Д. Привлечение к административной ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ за умышленное невыполнение требований следователя по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления / В.Д. Потапов, Г.А. Волкова // *Вестник экономической безопасности*. – 2025. – № 2. – С. 111–115.
14. Образцов С.В. Проблемы применения иных мер процессуального принуждения / С.В. Образцов, О.А. Елисеева, В.А. Звягин // *Право и государство: теория и практика*. – 2018. – № 7 (163). – С. 100–104.
15. Тутынин И.Б. Процессуальное принуждение имущественного характера в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 5.1.4 / И.Б. Тутынин. – Москва, 2023. – 63 с.
16. Стельмах В.Ю. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами / В.Ю. Стельмах // *Lex Russica*. – 2017. – № 3 (124). – С. 141–153.
17. Задерако К. В. Иные меры процессуального принуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / К.В. Задерако. – Ростов-на-Дону, 2005. – 28 с.
11. Sharaeva Ya.A. Problematic Issues of Enforcement Measures in the Form of Monetary Penalties in Criminal Proceedings. *Jurist-Pravoved*, 2020, no. 2 (93), pp. 149–153. (In Russian).
12. Uzgorskaya I.A. Issues of the Use of a Monetary Penalty as a Different Measure of Procedural Coercion During the Preliminary Investigation: Problems of Theory and Practice. *Humanities, Social-economic and Social Sciences*, 2018, no. 12, pp. 186–188. (In Russian).
13. Potapov V.J., Volkova G.A. Bringing to Administrative Responsibility under Article 17.7 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation for Deliberate Failure to Comply with the Investigator's Requirements to Eliminate the Circumstances That Contributed to the Commission of a Crime. *Bulletin of Economic Security*, 2025, no. 2, pp. 111–115. (In Russian).
14. Obratsov S.V., Eliseeva O.A., Zviagin V.A. Problems other Coercive Measures. *Law and State: Theory and Practice*, 2018, no. 7 (163), pp. 100–104. (In Russian).
15. Tutynin I.B. Coercive Property Measures in Criminal Proceedings. *Doct. Diss. Thesis*. Moscow, 2023. 63 p.
16. Stelmakh V.Y. Obtaining Information about Connections between Subscribers and/or Subscriber Devices. *Lex Russica*, 2017, no. 3 (124), pp. 141–153. (In Russian).
17. Zaderako K. V. Other Measures of Procedural Coercion. *Cand. Diss. Thesis*. Rostov-on-Don, 2005. 28 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дехерт Андрей Андреевич – аспирант кафедры процессуального права и криминалистики.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dekhert Andrey Andreevich – Postgraduate Student of the Department of Procedural Law and Criminalistics.

Статья поступила в редакцию 19.12.2025; одобрена после рецензирования 20.01.2026; принята к публикации 20.01.2026. The article was submitted 19.12.2025; approved after reviewing 20.01.2026; accepted for publication 20.01.2026.